

Casibus освѣщаютъ его тревожное письмо къ Петраркѣ по поводу миланскаго инцидента. Онъ чувствуетъ призваніе поэта, литератора — и старается успокоить себя идеей смиренія, ограниченія желаній, которыя уберегутъ его отъ ударовъ судьбы, оградятъ свободу и душевный покой. Но бѣдность не обезпечиваетъ поэтическаго досуга; надо крѣпость духа, выдержка, *virtus*, чтобы въ борьбѣ съ лишениями и невзгодами жизни остаться на высотѣ идеала, не поступившись своимъ достоинствомъ.

IV.

Подъ впечатлѣніемъ этого личнаго вывода изъ De Casibus задумана, быть можетъ, «жизнь Данте», поэта, гонимаго судьбою, но не сраженнаго. Умственный культъ по прежнему отдавъ Петраркѣ, нравственное обаяніе принадлежитъ Данте. Преклоняясь передъ нимъ, Боккаччо невольно переживаетъ въ немъ свое собственное душевное настроеніе. Онъ будетъ писать о Данте и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствуетъ нравственную потребность помирить въ себѣ оба культа, дантовскій гражданскій идеалъ съ эстетическимъ гуманизмомъ Петрарки, права итальянской рѣчи, возвышенной Данте, съ изящной абстракціей латинскаго періода; мирить самого Петрарку съ Данте, котораго тотъ, повидимому, не цѣнитъ, а онъ поклоняется имъ обоимъ.

Вопросъ поставился самъ собою въ миланскихъ бесѣдахъ 1359 года¹⁾; вернувшись во Флоренцію, Боккаччо послалъ Петраркѣ экземпляръ Божественной Комедіи съ письмомъ, содержаніе котораго мы не знаемъ, настроеніе передаетъ слѣдующее стихотвореніе, сопровождавшее посылку: «Славная краса Италіи, чье чело увѣнчали лавромъ римскіе вожди, прими прекрасное твореніе Данте, ученѣ котораго, мнится мнѣ, никогда еще не слагалось въ стихахъ для народа. Не погнушайся взглянуть на стихи поэта-изгнанника, звучные лишь своей народной рѣчью, поэтъ не вѣн-

1) Сл. выше стр. 194—6.

чаннаго—по волѣ неправедной судьбы. Это изгнаніе и было поводомъ пѣвцу показать, что въ состояніи сдѣлать новѣйшій народный метръ, не незнаніе (т. е. латинской рѣчи), какъ говорили жестокие, дрожавшіе отъ злобы завистники. Слышалъ, быть можетъ, ты и самъ: въ юности Фебъ увлекъ его на высоты снѣжной Цирры ¹⁾, въ заповѣдныя убѣжища природы, на путяхъ неба, земли и моря, къ аонійскимъ источникамъ, на вершину Парнасса, въ юлійскія пещеры ²⁾, Парижъ и до окраины британцевъ. Священные пѣснопѣнія стяжали ему имя богослова, поэта, мудреца ³⁾ онъ сталъ чуть не другой славой флорентійцевъ ⁴⁾, но неправедная смерть, поспѣшивъ, не дала ему увѣнчаться лавромъ. Можетъ быть, на первый взглядъ, Камены покажутся тебѣ слишкомъ жалкими ⁵⁾, но если мыслью ты охватишь ограды Плутона, и рѣку и горделиво поднимающуюся гору и обитель Юпитера, одѣтую священными тѣнями, ты увидишь глубокой смыслъ, музу, брядающихъ небеснымъ плектромъ на вершинѣ Низы, во всемъ дивный порядокъ—и охотно скажешь: что вторымъ послѣ того, кого ты чтить и превозносишь по праву (Клавдіана, котораго считали уроженцемъ Флоренціи), будетъ во вѣки Данте, котораго произвела великая мать поэтовъ, Флоренція, имя котораго она чувствуетъ, ликуя, распространяя по великимъ градамъ и свое имя по слѣдамъ знаменитаго сына. Хотя своимъ талантомъ ⁶⁾ ты высишься въ небо и твоя слава гремитъ не только въ Лации, а и среди звѣздъ, прими, дорогой мой, единственное наше упованіе, твоего согражданина, также ученаго и поэта ⁷⁾, прими въ число своихъ ⁸⁾, славы его, чествуй и читай; такъ поступая, ты себя и его укра-

---

1) Cythereos.

2) Antra Julia.

3) Hinc illi sacro moderamine virtus — Theologi vatisque dedit simul atque sophiae — Agnomen.

4) Factuaque fere est gloria gentis — Altera Florigenum.

5) Nudas.

6) Ingenio.

7) Doctumque satis pariterque poetam.

8) Junge tuis.

свись великими хвалами, о дивная краса нашего города и всего міра! ¹⁾).

Боккаччо хочет увлечь Петрарку къ культу Данте и видимо бережетъ его щепетильность; онъ желаетъ добиться отъ него признанія Данте—для него это былъ вопросъ самоопредѣленія—и подступаетъ осторожно: пусть не погнушается прочесть народныя вирши, онѣ навѣяны невзгодами изгнанія; Камены бѣдныя съ виду, но таятъ глубокой смыслъ и чудесную гармонию въ цѣломъ. Въ срединѣ вброшено: чуть не вторая слава Флоренціи! Это «чуть» ²⁾ робкое признаніе, оставляющее открытымъ вопросъ первенства и самолюбія.

Петрарка отвѣчалъ ³⁾ такъ же осторожно и дипломатично, съ обиліемъ общихъ мѣстъ, которыя мы опустимъ, и полупризнаніями, имѣющими цѣну для характеристики какъ его самого, такъ и литературныхъ отношеній его времени. На многое, о чемъ ты пишешь, я отвѣчать не стану, ибо лишь недавно бесѣдовалъ съ тобой о томъ, но два вопроса не могу пройти молчаніемъ. Во первыхъ твоихъ извиненій, что ты превознесъ поэта, нашего согражданина, стиль котораго слѣдуетъ признать несомнѣнно народнымъ, какъ возвышеннѣйшимъ—сюжетъ его пѣснопѣній. Ты такъ извиняешься, будто думаешь, что всякую твою похвалу ему или другому я считаю умаленіемъ своей, съ умысломъ прибавляешь, что, въ сущности, все сказанное о немъ вмѣнится и мнѣ въ славу, да еще оправдываешься, что отъ юности онъ былъ тебѣ свѣточемъ и руководителемъ въ твоихъ занятіяхъ. Я поощряю эти чувства справедливости, благодарнаго воспоминанія, скорѣе сказать, сыновней любви; не только допускаю все это, но и хвалю твое намѣреніе превознести свѣтило, выведшее тебя на этотъ прекрасный путь, по которому ты быстрыми шагами идешь къ славѣ; пусть къ похваламъ, которыми издавна осыпала его толпа, при-

1) Corazzini, l. c. 53—4.

2) Fere.

3) Fam. XXI, 15.

соединятся наконецъ достойныя его и тебя; онъ того заслужилъ, это благородное дѣло достойно именно тебя; я одобряю твое стихотвореніе и вмѣстѣ съ тобою отъ всего сердца прославляю поэта, тобою возвеличеннаго.

Но къ удивленію я усмотрѣлъ изъ твоего извинительнаго письма, что ты еще мало меня знаешь, а я думалъ, что ты знаешь меня досконально. Ты полагаешь, стало быть, что похвалы великимъ людямъ мнѣ не по сердцу, не радуютъ меня! Повѣрь мнѣ, другъ, нѣтъ ничего болѣе ненавистнаго и противнаго моей природѣ, какъ зависть, и Богъ тому свидѣтель, нѣтъ ничего болѣе тягостнаго, какъ видѣть достоинства безъ поощренія и награды. Я не говорю о своихъ собственныхъ недочетахъ и надеждахъ, а сожалею объ общей участи, о томъ, что награды достаются не доблестнымъ занятіямъ, а неблагороднымъ — хотя знаю съ другой стороны, что если слава и бываетъ побужденіемъ къ добрымъ дѣламъ, то, по ученію философовъ, добродѣтель сама себѣ побужденіе и цѣнная награда.

Но такъ какъ ты вызвалъ меня на вопросъ, который я бы самъ лично не поставилъ, я хочу выяснитъ тебѣ, а черезъ тебя и другимъ, то мое мнѣніе о поэтѣ, которое не только ложно, но и злобно и коварно приписываютъ мнѣ въ народѣ. Мои враги говорятъ, будто я ненавижу его и презираю, дабы такимъ образомъ очернить меня въ глазахъ толпы, которая его любитъ. Что за новое коварство, какое удивительное умѣнье наносить вредъ! Но во первыхъ у меня не было повода ненавидѣть человека, котораго я видѣлъ всего разъ въ дѣтствѣ. Онъ былъ современникомъ моего дѣда и отца, моложе перваго и старше втораго, съ которымъ вмѣстѣ подвергся изгнанію по причинѣ тѣхъ-же гражданскихъ распрей и въ одинъ и тотъ-же день. Какъ часто бываетъ между товарищами бѣдствій, такъ случилось и здѣсь: они подружились, ихъ связывала не только общая судьба, но и сходство ума и занятій. Дѣла и домашнія заботы заставили моего отца забросить ихъ въ изгнаніи; тотъ, наоборотъ, устоялъ, и помышляя единственно о славѣ, отдался имъ

еще съ большимъ рвеніемъ. Хвала ему! ибо ни несправедливость гражданъ, ни изгнаніе, ни побужденіе гражданской вражды, ни бѣдность, ни любовь къ женѣ и дѣтямъ не отвлекли его отъ начертаннаго пути, тогда какъ есть люди, даже даровитые, которыхъ малѣйшая непріятность повергаетъ въ недѣятельность, особливо поэтовъ, которые, занятые не только содержаніемъ своихъ твореній, но и работой надъ стихомъ и количествомъ словъ, болѣе другихъ требуютъ сосредоточенности и покоя.

И такъ это обвиненіе, какъ ты видишь, потѣшно, выдуманно съ тѣмъ, чтобы опорочить меня. Не только у меня не было причины ненавидѣть его, но есть и побужденіе любить: общая родина, его талантъ и стиль, превосходный въ своемъ родѣ. Но здѣсь привязывается вторая на меня клевета, основанная, быть можетъ, на томъ, что будучи отъ юности жаднымъ, ненасытнымъ искателемъ книгъ, какъ бы трудно достижимы онѣ не были, я никогда не озаботился приобрѣсти его книгу, которой увлекалось молодое поколѣніе и которую достать было легко. Такъ это и было на самомъ дѣлѣ, только причины тому подсказываютъ не настоящія. Въ то время я еще писалъ на народномъ языкѣ, высихъ цѣлей не зналъ, и у меня зародились опасенія, что если я стану читать его стихотворенія или чьи-либо другія, увлекусь въ силу возраста, податливаго и склоннаго всему удивляться, и незамѣтно для себя, противъ воли стану подражателемъ. А этого я страшно боялся, въ юношескомъ самоувѣніи полагаясь на себя, думая, что въ избранномъ мною родѣ и для моей цѣли я способенъ достигнуть всего своими силами, безъ чужой помощи. Не мнѣ судить, былъ ли я правъ; вѣрно одно: что если въ итальянскихъ писаніяхъ, его или другихъ, есть нѣчто, что встрѣчается и у меня, то я не заимствовалъ и не подражалъ, ибо всегда избѣгалъ того и другаго, а тутъ дѣло случая, сходство умовъ, нерѣдко встрѣчающихся, по слову Туллія, на тѣхъ-же путяхъ, не зная другъ о другѣ. Если когда-либо я заслуживалъ твоего довѣрія, то особенно въ данномъ случаѣ; была-ли тому причиной моя застѣнчивость, скромность или юношеское

самомнѣніе, рѣшить не умѣю. Нынѣ я оставилъ эти занятія, и такъ какъ нѣтъ поводовъ къ прежнимъ опасеніямъ, я охотно читаю всякую книгу, особенно — его; и какъ прежде я представлялъ себя на чужой судъ, такъ теперь, самъ втихомолку судя о другихъ и оставляя въ сторонѣ вопросы, по которымъ я другого мнѣнія, скажу, не колеблясь, что въ народномъ языкѣ ему принадлежитъ первенство. И такъ лжецами оказываются утверждающіе, что принижая его славу—я, гораздо лучше понимающій его, чѣмъ его невѣжественные, чрезмѣрные хвалители, къ которымъ идутъ слова Цицерона: они читаютъ прелестныя стихотворенія и рѣчи, хвалятъ до небесъ поэтовъ и ораторовъ, но сами не знаютъ, почему хвалятъ, ибо не въ состояніи понять, чтѣ и почему, и гдѣ именно находится то, что они такъ хвалятъ и чѣмъ восхищаются. Если такъ бываетъ съ Тулліемъ, Демосеевомъ, Виргиліемъ, Гомеромъ въ школахъ и среди литераторовъ, то что-же, полагаешь ты, съ нашимъ поэтомъ, въ простонародьѣ, на площадяхъ и въ тавернахъ? Я не только не пренебрегаю имъ, но торжественно заявляю, что люблю его и дивлюсь ему, и скажу по правдѣ: еслибъ онъ былъ въ живыхъ, и его нравы оказались столь-же мнѣ любезными, какъ его умъ, у него не было-бы бѣльшаго друга, чѣмъ я, и ни къ кому онъ не относился бы столь неприязненно, какъ къ своимъ глупымъ хвалителямъ, безъ разбора расточающимъ поощренія и порицанія и наносящимъ ему самую ощутительную для поэта обиду — коверканія стихи, да такъ, что не будь у меня болѣе серьезнаго дѣла, я охотно взялся бы очистить ихъ, какъ умѣю, отъ этой грязи. Меня приводитъ въ негодованіе плебейское искаженіе его прекраснаго стиля — и это было не послѣдней причиною, почему я его оставилъ (т. е. стиль, итальянскія писанія), хотя сильно увлекался имъ во дни юности. Если такъ искажаютъ творенія поэта, издавна всѣми любимыя, оглашающія театры и площади, что-же, думалъ я, будетъ съ тѣми немногими, которыя я написалъ въ юные годы? И я боялся не даромъ: гуляя, я самъ слышу, какъ ихъ терзаютъ плебейскія уста, и я каюсь, что написалъ ихъ.

Я слишкомъ долго остановился на предметѣ, не стоющемъ серьезнаго вниманія, а время летить, и его слѣдовало бы употреблять съ большей пользой; но мнѣ показалось, что твои извиненія походятъ на обвиненія тѣхъ, которые утверждаютъ, что я ненавижу поэта и имъ пренебрегаю. Я нарочно не назвалъ его: вѣдь, услышавъ его имя, толпа, ничего не понимающая и все объясняющая въ дурную сторону, заключила-бы, пожалуй, что и говорю то я о немъ для того лишь, чтобъ его оскорбить. Меня обвиняютъ въ зависти — но это тѣ, которые ко мнѣ самому питаютъ зависть. Я не хотѣлъ тому вѣрить, ничего во мнѣ нѣтъ завиднаго, а это такъ; между тѣмъ много лѣтъ тому назадъ, когда юные годы и пылъ страстей могли бы извинить многое, я завѣрялъ по совѣсти, въ стихотвореніи, посвященномъ имени-тому лицу, что никому не завидую¹⁾. Положимъ, моему слову не повѣрятъ; но скажи, какъ мнѣ завидовать человѣку, всю жизнь отдавшему этому дѣлу, если не единственному для него, то главному, тогда какъ я посвятилъ ему лишь ранніе годы, и то болѣе для развлечения и утѣхи? Я вѣрю тому, что ты о немъ сказалъ: что онъ могъ бы писать и въ другомъ стилѣ (т. е. по латыни), еслибы захотѣлъ, ибо я преклоняюсь передъ его умомъ и не сомнѣваюсь, что онъ легко бы достигнулъ всякой цѣли, какую бы себѣ ни поставилъ. Какую цѣль онъ себѣ намѣтилъ—всѣ мы это знаемъ; но еслибъ она была и выше, и онъ ее достигъ — неужели мнѣ завидовать ему, а не радоваться скорѣе? Развѣ завидую я Виргилію? Или они увѣрены, что я питаю зависть къ хрипылымъ крикамъ и рукоплесканію харчевниковъ, красильщиковъ, валяльчиковъ, привыкшихъ ругать кого не хвалятъ, поклонниковъ и цѣнителей, какихъ не было ни у Гомера, ни у Виргилія и какихъ къ счастью нѣтъ у меня — ибо я знаю, какъ цѣнить ученые люди похвалы невѣждъ. Или, можетъ быть, думаютъ, что мавтуанецъ (Виргилій) мнѣ дороже флорентійскаго согражданина? Уже одно общее происхожденіе, не будь другой причины, удаляетъ

1) Въ стихотворномъ посланіи къ Якову Коломна, *Epist. poet. I, 7.*

это подозрѣніе, хотя чума зависти заражаетъ преимущественно сосѣдей. Прибавь и разницу возраста и изящное изреченіе того, кто всегда изящень: къ умершимъ не пристаетъ ни ненависть, ни зависть.

Кончу клятвеннымъ увѣреніемъ, что я высоко цѣню его талантъ и стиль и говорю о нихъ не иначе, какъ превознося ихъ похвалами. Помню только, что когда меня допрашивали подробнѣе, я иногда отвѣчалъ, что онъ не во всемъ себѣ равенъ, ибо изящнѣе и возвышеннѣе на народномъ языкѣ, чѣмъ на латинскомъ, и въ прозѣ и въ стихахъ. Этого ты не станешь отрицать, да это и въ его славу: былъ-ли когда человѣкъ, одинаково превосходный во всѣхъ родахъ, не только послѣ того, какъ кончилось и похоронено было настоящее краснорѣчіе, но и въ пору его разцвѣта? Прочти декламациі Сенеки; да то-же можно сказать и о Цицеронѣ, Виргилиі, Саллюстіи, Платонѣ. — И такъ да умолкнуть клеветники, а кто имъ вѣритъ, пусть прочтетъ это мое сужденіе.

Ты благодаришь меня за то, что я забочусь о твоёмъ здорově; благодарность водится между образованными людьми, но между нами она лишняя, никто не благодаритъ за то, что онъ заботится самъ о себѣ; вѣдь, дорогой другъ мой, все твое—мое.— И письмо переходитъ въ анализъ дружбы, къ воспоминаніямъ перваго знакомства съ Боккаччью въ 1350 году. Этими подробностями мы уже воспользовались при другомъ случаѣ¹⁾.

Письмо Петрарки не только личный, но и историко-литературный фактъ; впрочемъ, эти интересы не отдѣлимы другъ отъ друга, на ихъ фонѣ яснѣе рисуется фигура Боккаччью. Едва-ли въ посланіи къ другу онъ такъ рѣзко поставилъ вопросъ объ *invidia*, зависти, какъ то можно было-бы заключить изъ отвѣта Петрарки; это было-бы педеликатно, а Боккаччью старается спрятать сомнѣнія въ дыму олимпіама. Если у Петрарки моментъ зависти такъ всецѣло захватываетъ наше вниманіе, то онъ самъ указалъ

1) См. выше стр. 122—3.

тому причины: ему показалось, что Боккаччо не далекъ отъ мнѣнія людей, которые считали его завистникомъ Данте — и сами завидуютъ ему, Петраркѣ. Зависть только вноситъ личный элементъ во взаимную оцѣнку двухъ литературныхъ направленій, которыя къ концу XIV-го вѣка, въ поколѣніи за Петраркой и Боккаччо, примутъ болѣе рѣзкій характеръ: стараго и новаго, итальянскаго и латинскаго, общенароднаго и аристократическаго. Въ юные годы Петрарки вся молодежь увлекалась Данте, онъ окруженъ общей симпатіей, спускается до площади и въ таверны, на него молятся, его стихи твердятъ, вскакая, плембейскія уста. Та молодежь, съ годами, постарѣла; это то, что мы могли бы назвать дантовской партіей. Едва-ли Петрарка, итальянскій поэтъ, могъ такъ всецѣло уберечься отъ дантовскихъ вліяній, какъ-то заставляетъ заключить его признаніе, но въ общемъ мы этому признанію вѣримъ, такъ оно необычно, настойчиво, такъ ярко въ самоувѣренности юности намѣчено полное достоинства самосознаніе зрѣлаго человѣка. Позже онъ оставилъ итальянскую поэзію, ему претитъ толпа и не хочется быть поэтомъ площади; лѣтъ пять спустя, въ другомъ письмѣ къ Боккаччо¹⁾, онъ повторяетъ тѣ-же аргументы: онъ будетъ поэтомъ для избранныхъ и устремится къ высшему къ поэзіи и прозѣ латинскаго языка и типа. Здѣсь онъ не знаетъ себя равнаго — и мы снова вѣримъ тому, что онъ не знаетъ зависти: Данте для него — итальянскій поэтъ, и онъ ему не соперникъ; Данте могъ бы творить и по латини, но онъ этого не сдѣлалъ, и въ латинской прозѣ и поэзіи ниже, чѣмъ въ итальянской. Это допускаетъ самъ Боккаччо, и зависти нѣтъ мѣста, потому что дѣло идетъ о двухъ несоразмѣрныхъ величинахъ: первенство итальянскаго стиля безспорно принадлежитъ Данте²⁾, первенство классиче-

1) Sen. V, 2.

2) Сл. Rerum memorandarum стр. 427: Dante Aligherius... concivis nuper meus, vir *vulgari eloquio* clarissimus fuit; сл. Sen. V, 2: nostri eloquii dux vulgaris; Ben. de Imola, Comentum ed. Lacaita I, 52. Сл. IV, 309: Sed certe quanto Petrarcha fuit maior orator Dante, tanto Dante fuit maior poeta ipso Petrarcha.

скихъ музъ, очевидно, кому-то другому. Вопросъ поставленъ такъ ясно, что постоянное возвращеніе къ идеѣ зависти кажется лишнимъ, аргументы дѣтскими: Петрарка не могъ ненавидѣть Данте и завидовать ему, потому что почти его не зналъ, потому что мертвымъ не завидуютъ, потому что они соотчичи! Если все это не реторика, то писано не для Боккаччьо, а для тѣхъ, кому онъ оповѣститъ сужденія Петрарки.

Между дантофилами стараго направленія и аристократической поэзіей Петрарки были посредствующія теченія, примиряющія и нерѣшительныя. Говоря въ письмѣ къ Петраркѣ объ Ахиллеидѣ Стація, Нелли, осторожный, какъ всегда, позволяетъ себѣ противорѣчить Данте, котораго многіе считаютъ ученѣйшимъ¹⁾, и онъ не рѣшается отвергнуть мнѣніе *поэта*, хотя писалъ онъ — на народномъ языкѣ²⁾. Иного рода была посредствующая роль Боккаччьо, внушенная не осторожностью, а обоюдностью симпатій; его итальянское поэтическое прошлое, полное дантовскихъ центоновъ и идеализма, его обязывало, къ этому присоединились теперь и гражданскіе мотивы, къ которымъ приводила его жизнь и неудовлетворенное желаніе личной свободы. Самъ Петрарка благословилъ его: никто лучше его не восхвалитъ Данте; это — его дѣло. Боккаччьо могъ узнать объ этомъ изъ другихъ писемъ учителя, потому что отвѣтнаго на посылку Божественной Комедіи онъ не получалъ еще въ 1367-мъ году³⁾; совпаденіе нѣсколькихъ фразъ Петрарки въ похвалѣ Данте съ выраженіями біографіи могутъ быть объяснены воспоминаніями недошедшаго до насъ письма, которымъ Боккаччьо сопровождалъ свою посылку: Петрарка могъ перефразировать нѣкоторыя мѣста письма, вошедшія потомъ въ томъ или другомъ видѣ въ біографію.

1) *Opinate satis apud multos scientiae.*

2) *Cujus quamvis vulgariter poetantis non audeo sententiam reprobare.* Сл. Hortis Studi, стр. 349; Cochini, № XXVIII.

3) Сл. письмо отъ 30 іюня 1367 года у Corazzini, стр. 123 слѣд.

Обратился-ли Петрарка къ культу Данте? Слѣдующій анекдотъ характеренъ: кто-то посѣтилъ Петрарку въ Миланѣ, спрашиваетъ, есть-ли въ его библіотекѣ «книга Данте». Подъ этимъ разумѣли тогда Божественную Комедію; такъ и Боккаччо пригласили впоследствии читать «книгу Данте». Петрарка отвѣтилъ утвердительно и, порывшись, выбросилъ передъ посѣтителемъ трактатъ о Монархіи. Когда тотъ замѣтилъ, что разумѣлъ не ее, а Божественную Комедію, Петрарка изумился: Неужели полагаешь ты, что это — твореніе Данте? Развѣ оно могло быть написано безъ особой помощи Святаго Духа? И Петрарка объясняетъ извѣстные стихи *Purg.*, XXIV 52 слѣд., въ которыхъ Данте выразилъ сущность своей поэзіи новаго стиля, искренней поэзіи сердца: Я тотъ кто отмѣчаетъ, что любовь ему навѣетъ, и что она подскажетъ, то изображаетъ. Для Петрарки исчезъ глубокий человѣческій моментъ этого признанія, обратившаго поэзію на новые пути, которыми онъ шелъ и самъ; для цего вѣянія Амура — откровенія Св. Духа, Божественная Комедія — индифферентное выраженіе этихъ нездѣшнихъ откровеній ¹⁾. Въ Енеидѣ онъ также открывалъ аллегорію, но любилъ и ее поэзію.

Биографію Данте Боккаччо написалъ около 1363-4-хъ годовъ, въ Чертальдо; это панегирикъ и вмѣстѣ публицистическая статья, основанная на историческихъ данныхъ, съ страстно-личнымъ освѣщеніемъ. Какъ и въ сочиненіяхъ объ именитыхъ женщинахъ и несчастной участи великихъ людей, такъ и здѣсь исторія и биографія служебны нравоученію, и оно ширится въ общихъ мѣстахъ реторики; и здѣсь та-же совѣстливая критика, и тѣ-же ея недочеты, объясняемые неполнотою источниковъ и субъективизмомъ автора, неволью вычитывавшимъ изъ фактовъ то, что было ближе къ его идеалу и пониманію. Какъ въ жизнеописаніи Филиппы Катанской ²⁾ пришлось руководствоваться

1) Papanti, Dante secondo la tradizione e i novellatari стр. 85 слѣд.

2) De Cas. IX, 26.

разказами, такъ здѣсь показаніями современниковъ, мѣстными преданіями и источниками, въ достовѣрности которыхъ усомнились лишь недавно. До Боккаччьо свѣдѣнія о Данте ограничивались скудными данными въ хроникѣ Джьованни Виллани ¹⁾ и у древнихъ толкователей Божественной Комедіи, и Боккаччьо могъ сказать по поводу своего труда, который въ комментаріяхъ скромно называетъ «trattatello», что если кое-гдѣ онъ и ошибался, то по крайней мѣрѣ побудить другихъ сказать правду о Данте, чего, сколько ему извѣстно, никто еще не сдѣлалъ ²⁾. Онъ несомнѣнно ошибался, приурочивая рожденіе Данте ко времени Урбана IV, вмѣсто Климента IV, заставляя поэта, въ началѣ изгнанія, искать убѣжища у Альберто дела Скала, уже умершаго; утверждая, что послѣднія пѣсни Рая были доставлены Кане дела Скала, тогда какъ первый полный экземпляръ Божественной Комедіи Пьетро Алигьери препроводилъ къ Гвидо да Полента; но что Данте посылалъ Кане отдѣльныя пѣсни своей поэмы, прежде чѣмъ ихъ обнародовать — это показаніе біографіи подтвердилось недавно сонетомъ Квирино ³⁾. Самъ Боккаччьо просилъ исправлений и изоощрялся въ критикѣ, и не въ однихъ лишь комментаріяхъ, написанныхъ значительно позже: въ хвалебномъ стихотвореніи въ честь Данте говорилось о его путешествіи въ Парижъ и къ окраинамъ британцевъ; въ біографіи послѣднее показаніе удалено, его нѣтъ ни въ Генеалогіяхъ боговъ ⁴⁾, ни въ комментаріяхъ ⁵⁾; первое, поддержанное Джьованни Виллани, повторяется всюду, только въ комментаріяхъ оно приурочено къ другому біографическому моменту.

Главнымъ источникомъ Боккаччьо были, разумѣется, писанія Данте, въ которыхъ онъ почерпалъ ихъ собственную хронологію; онъ знаетъ также посланія Данте и пользуется двумя изъ нихъ: письмомъ къ флорентинскому другу, заподозрѣннымъ со-

1) l. IX, c. 136 (135).

2) Vita, ed. Macri-Leone, стр. 76.

3) Сл. S. Morgurgo въ *Bullettino d. società dantesca italiana* v. I, fasc. 5, стр. 136—7.

4) l. XV, c. 6.

5) I, 89.

medicum»; въ Генеалогіяхъ I. XIV, с. 12 самъ Боккаччо укажетъ на этотъ источникъ.

Что связываетъ историческій и риторическій матерьялъ въ цѣльность біографіи—это субъективизмъ Боккаччо, его психическое настроеніе, перенесенное безсознательно въ оцѣнку Данте. Это настроеніе Корбаччо, книгъ о именитыхъ женщинахъ и роковой долгѣ великихъ людей; оно одно объясняетъ въ біографіи многое, что иначе можетъ поразить безцѣльностью паэоса и неумѣстной морализаціей. Съ этой точки зрѣнія жизнеописаніе Данте является вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы признаніемъ самого Боккаччо, и это составляетъ не меньшую долю его интереса. Онъ рассказываетъ намъ о первой встрѣчѣ девятилѣтняго Данте съ маленькой Беатриче, и тонкіе контуры дантовской *Vita Nuova* становятся въ его рукахъ сочной новеллой, расписывающей и подсказывающей, съ весной и праздникомъ и физиологіей просыпающейся любви, какъ понималъ ее авторъ Декамерона; у Данте онъ вычиталъ, вмѣстѣ съ другими комментаторами XIV вѣка, его склонность къ сладострастію, *lussuria*, это дало ему точку отравленія. Онъ самъ любитъ картинкой весенняго дѣтскаго чувства; какъ и въ сочиненіяхъ пессимистическаго характера въ немъ сказывается порой знатокъ женщинъ и пластики, но онъ тотчасъ-же обрушается послѣ того на любовь и влюбленныхъ и подсказываетъ Данте, что самъ испыталъ въ періодъ Корбаччо: будто бы онъ стыдился въ послѣдствіи повѣсти своего юношескаго увлеченія, своей *Vita Nuova*. Самъ онъ вышелъ изъ лабиринта этихъ увлеченій къ серьезнымъ задачамъ поэзіи, и у него сложился идеалъ поэтическаго досуга: вдали отъ дѣлъ и семейныхъ заботъ и тревожной извѣстности, какую даетъ общественная дѣятельность. А Данте позволилъ женить себя! Жена связываетъ, бѣдная Джемма Донати, съ которой изгнанникъ Дантъ ни разу потомъ не видѣлся, попала въ число многихъ, потому-ли, что до Боккаччо дошли какія-нибудь семейныя сплетни, или она просто послужила его назидательнымъ цѣлямъ: двухъ, трехъ данныхъ достаточно было, чтобы сдѣлать изъ нея типъ жены-обузы. Но

Данте позволилъ себя увлечь еще и брэнной славой и блескомъ общественныхъ должностей въ политическую жизнь, и за любовь къ родинѣ пожалъ плоды изгнанія. Съ точки зрѣнія De Casibus онъ самъ отчасти навлекъ на себя свою участь, но перенесъ ее мужественно; ни привязанность, ни семья, ни тяжелыя испытанія не заставили его забыть поэзію; такъ говорилъ, со словъ Боккаччьо (?), Петрарка, и это — нравственный выводъ изъ жизнеописанія. Надъ глупой борьбой партій, въ которой Боккаччьо изъ-за личныхъ интересовъ не видитъ ничего принципальнаго, фигура Данте высится гордо и сурово и нѣсколько одиноко; онъ и съ дѣтства былъ серьезень, подсказываетъ Боккаччьо его любовь къ законченности героическаго типа ¹⁾; онъ только несдержанъ и черезъ мѣру страстенъ въ вопросѣ гибеллинства; Боккаччьо стыдится говорить о томъ, потому что не только не раздѣляетъ этой страстности, но и не понимаетъ самого вопроса, его громаы противъ флорентійцевъ имѣютъ ввиду не партій, а вообще неблагодарную народную толпу, не признавшую великаго человѣка. Въ его образѣ много симпатичнаго шаржа, много риторическихъ преувеличеній, когда говорится о раннемъ образованіи Данте, о его политическомъ вліяніи и т. п.; много той «фантазіи», о которой говоритъ Петрарка ¹⁾. Біографы Данте вычтутъ изъ этой характеристики то, что біографы Боккаччьо занесутъ на счетъ ему самому.

Установивъ нѣкоторыя необходимыя точки зрѣнія на значеніе трактата Боккаччьо, постараемся передать его содержаніе.

Мудрый Солонъ говорилъ, что всякое государство держится на двухъ устояхъ ²⁾: одинъ — не оставлять ни одного проступка

1) Филиппо Виллани, пользовавшійся Боккаччьо въ своей біографіи Данте, преувеличиваетъ эту черту до смѣшнаго: будто Данте «*dum pueritiae dies in matris gremio, indulgentiora etiam parere solito, morosius observaret aspernareturque fallentia matris oscula, non puerili habitu vel incessu, sed gravi atque librato, coepit ostendere qualis vir futurus esset.*»

2) De Cas. VIII, введеііе; см. выше стр. 257.

3) Piedi.

безъ наказанія, другой — награждать всякое благое дѣяніе. Гдѣ одного изъ этихъ условій нѣтъ, тамъ государство хромаетъ и не устоитъ. Ихъ соблюденіемъ росли въ славу и ширились древніе народы, новые, особенно мои флорентинцы, на столько отошли отъ этихъ путей, что у нихъ увѣнчаннымъ оказывается честолюбіе, дурныхъ и порочныхъ людей они награждаютъ и избираютъ на высокія должности, достойныхъ же изгоняютъ и притѣсняють. Какой конецъ готовить всему этому Божіе правосудіе, это пусть разсудятъ стоящіе у кормила, ибо насъ, простыхъ смертныхъ, несетъ волна судьбы, и винѣ мы не причастны ¹⁾). Изъ многихъ примѣровъ Боккаччо выберетъ одинъ: судьбу славнаго мужа Данте Алигьери, изъ древняго и не безызвѣстнаго рода; его доблести, знанія и благія дѣянія получили бы въ справедливомъ государствѣ высшее возмездіе, а онъ былъ несправедливо осужденъ на вѣчное изгнаніе, лишенъ отцовскаго достоянія, готовы были запятнать и его имя, еслибы это было возможно, его кости покоятся на чужбинѣ, семья разсѣяна по чужимъ людямъ. А кого возвеличили вмѣсто него — о томъ лучше смолчать. Точно міръ перевернулся, и если, противно мнѣнію Солона, мы все еще стоимъ, то потому, развѣ, что природа вещей стала другая, или какимъ-то чудомъ, либо долготерпѣніемъ Господа, которое наконецъ истощится, уступивъ мѣсто его гнѣву. И такія дѣла остаются безнаказанными! Ихъ не только слѣдуетъ избѣгать, но и исправлять; и вотъ, сознавая себя гражданиномъ того-же города, хотя и меньшимъ въ сравненіи съ великими достоинствами Данте Алигьери; сознавая, на сколько все мы обязаны его чествовать, я рѣшился, по мѣрѣ моихъ малыхъ силъ, сдѣлать по отношенію къ нему, что подлежало бы съ подобающимъ великолѣпіемъ учинить городу. Я говорю не о статуѣ и не о надгробномъ памятникѣ, а о писаніи, слишкомъ бѣдномъ средствѣ для такой цѣли; но я дамъ, что у меня есть, дабы среди чуждыхъ народовъ не было сказано, что къ такому поэту его родина ока-

---

8) Petrarca, Fam. XI, 6.

залась неблагодарной. Буду писать простымъ, непритязательнымъ стилемъ, ибо на лучшее не способенъ, и на флорентинскомъ нарѣчїи, чтобы не разногласить съ тѣмъ, который онъ употреблялъ въ большей части своихъ трудовъ. Скажу о томъ, о чемъ онъ скромно молчалъ: о его благородномъ происхожденїи, жизни, занятїяхъ и нравахъ, о его трудахъ, которые мое писанїе не столько освѣтитъ, сколько, быть можетъ, затемнитъ противъ желанїя. Пусть какъ въ этомъ, такъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, болѣе знающїе исправятъ мои погрѣшности, и да помогутъ моему уму и слабой рукѣ Тотъ, который увлекъ его къ лицедрѣнїю столь высокаго.

Разсказъ начинается (§ 2) съ сказочной исторїи Флоренціи, куда, по возстановленїи ея Карломъ Великимъ, переселяется молодой римлянинъ изъ именитаго рода Франжьяпани ¹⁾, Элизео. Изъ его потомковъ, называвшихся Элизеи, нѣкій Качьягвида, замѣчательный умомъ и мужествомъ, взялъ за себя дѣвушку изъ феррарскаго рода Альдигьери; это имя перешло на одного изъ его сыновей и на все его поколѣнїе, но съ опущенїемъ одной буквы: Алигьери. Отъ него то произошелъ, въ царствованїе Фридриха II, Алигьери, не столько славный самъ по себѣ, сколько по своему сыну, рожденїю котораго предшествовало вѣщее сновидѣнїе его матери. Ей снилось, что она на зеленомъ лугу, у прозрачнаго источника, подъ высокимъ лавромъ; чудилось, что она родила сына, который питаясь ягодами, упавшими съ лавра, и ключевой водою, быстро выросъ въ пастыря, который началъ домогаться вѣтокъ съ того лавра; онъ напрягаетъ къ тому усилїя, падаетъ, и, поднявшись, очутился уже не человекомъ, а — павлиномъ. — Когда всѣ эти предзнаменованїя исполнятся, сонъ станетъ ясенъ, и Боккаччо относитъ его толкованїе къ концу біографїи (§ 17). Мы сообщимъ его тотчасъ-же. Оно вводится разсужденїемъ о вѣщихъ снахъ ²⁾ и вліяніи свѣтилъ на

1) Такъ и у Ricordano Malespini.

2) Сл. выше стр. 247, прим. 9.

рожденіе и судьбу челоѣка, вліяніи, которое можетъ умѣрить разумъ, просвѣщенный божественной благостью. Лавръ предвѣщаль поэтическое призваніе, ягоды лавра — творенія поэтовъ, прозрачный источникъ — полноту нравственной и естественной философіи; пастырь — сладость духовной пищи, которую всѣ почерпнута изъ Божественной Комедіи; желаніе сорвать вѣтки лавра — стремленіе къ славѣ; паденіе — смерть. Образъ павлина всецѣло прилагается къ наслѣдію Данте, Божественной Комедіи, Боккаччо играетъ въ дѣтскія отождествленія, извиняясь въ ихъ поверхностности и предоставляя другимъ сдѣлать лучше: сто очковъ на хвостѣ павлина — это сто пѣсенъ поэмы; некрасивыя ноги означаютъ народный языкъ, невзящный ¹⁾ въ сравненіи съ латинскимъ, тѣмъ не менѣе прекрасный, отвѣчающій современной потребности; тихая поступь павлина — это низменный стиль, приличный Комедіи, какъ то извѣстно всякому, знающему, что это такое; дикій крикъ — грозныя обличенія порочныхъ и т. д.

Мальчика назвали Данте, и по праву ²⁾: «это былъ тотъ Данте, о которомъ идетъ теперь рѣчь; тотъ Данте, который по особой милости Божіей дарованъ былъ нашему времени; Данте, впервые открывшій путь возврата музамъ, изгнаннымъ изъ Италіи. Онъ доказалъ благородство ³⁾ флорентинскаго нарѣчія, подчинилъ извѣстнымъ законамъ ⁴⁾ красоты народнаго языка, возбудилъ къ жизни мертвую поэзію.

Съ юныхъ лѣтъ онъ явилъ знаменія будущей славы — о корыхъ Боккаччо не говоритъ; не отдавался, подобно дѣтямъ нынѣшнихъ знатныхъ людей, дѣтскимъ шалостямъ и тунеядству, а предался изученію свободныхъ искусствъ, не хлѣбнымъ занятіямъ, къ которымъ всѣ нынѣ устремляются; презрѣвъ брненное

1) Sozzo.

2) § 2, стр. 10. Dante = дающій; та-же игра словъ у старыхъ комментаторовъ; сл. советъ на смерть Данте: O spirito gentile, o vero dante — A noi mortali il frutto della vita у Carlo del Balzo, Poesie di mille autori intorno a Dante Alighieri I, 271.

3) Chiarezza.

4) Sotto debiti numeri.

богатство, вожделья славы, онъ желалъ обладать полнымъ знаніемъ поэтическихъ вымысловъ и способовъ ихъ художественнаго выраженія; изучилъ *Виргилія*, *Горація*, *Овидія*, *Стація* и другихъ знаменитыхъ поэтовъ и не только усвоилъ ихъ, но старался имъ и подражать, какъ то показываютъ его творенія. Ему стало ясно, что поэтическія произведенія не пустыя басни и чудная болтовня¹⁾, какъ полагаютъ глупцы, но что въ нихъ скрыты сладкіе плоды историческихъ и философскихъ истинъ; ихъ не повяютъ безъ знанія исторіи и нравственной и естественной философіи²⁾, и онъ сталъ заниматься ими; желая познать небесныя истины, онъ, оставивъ всѣ другія мірскія заботы, углубился въ богословіе, работая неустанно, не смотря на холодъ или жаръ, среди бдѣній и постовъ. Первое образованіе онъ получилъ въ родномъ городѣ, затѣмъ отправился въ *Болонью*, болѣе обильную такой пищей; уже подъ старость былъ въ *Парижѣ*, гдѣ на диспутахъ приводилъ всѣхъ въ изумленіе; одни звали его поэтомъ, другіе философомъ, многіе богословомъ. Но такъ какъ побѣда тѣмъ лестнѣе для побѣдителя, чѣмъ сильнѣе побѣжденный, я считаю приличнымъ показать, какое бурное море, какія волны и противныя вѣтры пришлось перевозмочь Данте, чтобы достигнуть спасительной пристани своей славы.

Занятія вообще требуютъ уединенія, удаленія отъ заботъ и спокойствія духа, особенно умозрительныя, которымъ преданъ Данте; вмѣсто того ему отъ начала до конца жизни пришлось испытать противное: непреоборимую любовную страсть, супружескую жизнь³⁾, семейныя и общественныя заботы, изгнаніе и бѣдность.

Въ пору, когда благость неба⁴⁾ украшаетъ землю и она улыбается въ разнообразіи цвѣтовъ, выглядывающихъ изъ-за зелени, въ нашемъ городѣ, по старому обычаю, мужчины и женщины

---

1) *Maraviglie*.

2) *La morale e naturale filosofia*.

3) *Moglie*.

4) *La dolcezza*.

сходились на веселье, каждый по своимъ улицамъ и въ своемъ обществѣ. Случилось перваго мая, что Фолько Портинари, изъ почетныхъ гражданъ того времени, позвалъ къ себѣ на праздникъ своихъ сосѣдей, въ числѣ прочихъ Алигьери, а съ нимъ и Данте, которому еще не минулъ тогда девятый годъ. Онъ вмѣшался въ толпу дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, которыхъ было много, и когда убрали первые столы, принялся рѣзвиться съ другими, какъ-то дѣлаютъ въ его возрастѣ. Была тамъ дочка означеннаго Фолько, по имени Биче (хотя Данте всегда называлъ ее полнымъ именемъ Беатриче), дѣвочка лѣтъ восьми, хорошенькая и милая, болѣе скромная и серьезная въ рѣчахъ и обращеніи, чѣмъ можно было ожидать по ея лѣтамъ; съ лицомъ столь цѣльнымъ, полномъ такой чистоты, что многіе считали ее чуть не ангеломъ. Эта то Биче, какъ я ее изобразилъ, а, можетъ быть, еще болѣе красивая, предстала взорамъ нашего Данте, не впервые, полагаю я, но въ первый разъ способная возбудить любовь; и онъ, хотя и ребенокъ, съ такой любовью воспринялъ сердцемъ ея образъ, что съ той поры и пока жилъ никогда съ нимъ не разставался. Какая была тому причина, того никто не знаетъ; можетъ быть, согласіе темпераментовъ и нравовъ, или особое воздѣйствіе неба; либо повліяло очарованіе музыки, веселое возбужденіе праздника, изысканныя яства и вина, растворяющія къ наслажденію души не только юныхъ, но и зрѣлыхъ людей — только мальчикъ Данте сдѣлался ревностнѣйшимъ служителемъ Амура. Годы шли, и любовь въ немъ разгоралась; его единственной утѣхой и покоемъ стало — видѣть свою милую.

Что за безуміе влюбленныхъ! поучаетъ Боккаччо; подкладывая хворосту, они полагаютъ, что уменьшатъ пламя. Сколько онъ выстрадалъ, сколько пролилъ слезъ изъ за этой любви, о томъ самъ онъ разсказалъ въ *Vita Nuova*. Правда, его любовь была чистая, лишенная всякаго вожделѣнія, на диво нынѣшнему вѣку; такъ самъ онъ говорилъ и подтверждаетъ тотъ, кому открыты были его желанія. Но если эта любовь лишила его и покоя и сна и аппетита, неужели не вредила она его уму, его священнымъ

занятіямъ? Разумѣтся, да, хотя иные полагають, что для него она была возбуждательницей, основываясь на его прелестныхъ стихотвореніяхъ на флорентійскомъ говорѣ, въ честь его дамы. Съ этимъ я не согласенъ, если не желать усмотрѣть въ украшенной рѣчи главнѣйшей принадлежности ¹⁾ всякой науки, что не правда.

Но ничто не вѣчно въ этомъ мірѣ: Беатриче скончалась на 24-мъ году своей жизни, и Боккаччо изображаетъ намъ въ яркихъ краскахъ безутѣшное гореваніе поэта: въ печали проходили дни и ночи, глаза источали такое обиліе слезъ, что всѣ удивлялись, откуда берется столько влаги. Время взяло свое: воспоминанія стали возвращаться безъ слезъ, вздохи не возвращались. Данте одичалъ; худой, бородатый, онъ и со стороны внушалъ состраданіе, не только что друзьямъ, хотя, кромѣ друзей, онъ другимъ рѣдко и показывался. Родные успокоиваютъ его; когда онъ самъ нѣсколько пришелъ въ себя, онъ охотнѣе прислушивается къ словамъ утѣшенія, а тѣ совѣтуютъ ему — жениться: если смерть одной женщины была ему поводомъ скорби, другая будетъ ему причиной веселья. Они приискали ему подходящую дѣвушку и послѣ долгихъ уговоровъ, не откладывая, женили ²⁾.

О слѣпые, недалновидные люди! морализуетъ Боккаччо. Кто посоветуетъ кому-либо спастись отъ жары, смѣнивъ благо-растворенный воздухъ Италіи на жгучіе пески Ливіи, либо, избывая холода, оставить Кипръ для вѣчныхъ тѣней родопскихъ горъ? Разумѣтся, лишь тотъ, кто надѣется, что новая супруга утишитъ тревоги любви. Не знаютъ они ея природы, противъ которой безсильны всѣ средства, если она запустила корни въ сердцѣ человека, долго любившаго. Но положимъ, такія средства есть; какую-же помощь оказываетъ тотъ, кто, съ цѣлью отвлечь меня отъ печальныхъ мыслей, погрузитъ меня въ еще болѣе печальныя и надоѣдливыя? А такъ часто поступаютъ тѣ, которые,

---

1) Sommissima parte.

2) E fu sposato.

желая забыться отъ какого-нибудь горя или невзгоды, женятся или даютъ себя женить. Данте женили; но развѣ погасло съ этимъ любовное пламя? Я не думаю; а еслибы и погасло, то могли явиться новыя, еще большія неприятности. Онъ, привыкшій отдавать свои бдѣнія ученымъ занятіямъ, бесѣдовать, по желанію, съ императорами и королями, препирался съ философами, отводилъ душу съ поэтами, и внимая чужимъ бѣдамъ, облегчалъ свои собственные. Теперь онъ бываетъ въ томъ славномъ обществѣ лишь когда разрѣшить супруга, иначе принужденъ слушать женскую болтовню и не только поддерживать, но и хвалить, чтобы не навлечь бѣды ¹⁾. Онъ привыкъ удаляться порой отъ надоѣдливой толпы и въ уединеніи созерцать, какая сила движетъ небомъ, откуда исходитъ въ животныхъ жизнь, какова причина всего сущаго; здѣсь онъ обдумывалъ и писалъ свои творенія, чтобы продлить ими свою память по смерти; теперь его не только отвлекаютъ отъ этихъ тихихъ созерцаній, всякій разъ, когда заблагоразсудится женѣ, но ему приходится быть съ людьми, вовсе къ нимъ не расположенными. Бывало онъ свободно предавался смѣху и слезамъ, пѣснямъ или вздохамъ, смотря по тому, овладѣвали-ли имъ радостныя или горестныя чувства; теперь онъ не смѣетъ, въ каждомъ вздохѣ приходится дать отвѣтъ женѣ: куда пошелъ, откуда явился; если веселъ — влюбленъ въ когонибудь, если грустенъ — разлюбилъ жену.

Что за невыносимая мука жить съ такимъ полнымъ подозрѣній животнымъ, общаться съ нимъ, старѣться и наконецъ умереть! восклицаетъ Боккаччо, повторяя и развивая Теофраста опытомъ Корбаччо. Не стану говорить о недавнихъ обычаяхъ, особенно нашего города, которыхъ прежніе свободные люди не знавали: о нарядахъ и роскошной обстановкѣ, которую жены считаютъ необходимой принадлежностью порядочнаго дома; о множествѣ слугъ, угощеніяхъ и подаркахъ роднымъ молодой и тѣмъ, которые желаютъ показаться влюбленными въ нее. Перейду

1) Se non vuol crescer la noia.

къ неизбежному: если жена красива, у ней песомнѣнно явятся ухаживатели, и по враждебной слабости она сдастся, ибо трудно защитить, чего добиваются многіе. Но вѣдь и красавицы надѣдають; что-же сказать о некрасивыхъ? Не только онѣ сами, но пенавистны становятся и самыя мѣста, гдѣ могутъ встрѣтить ихъ люди, обязанные считать ихъ своими. Оттуда рождается гнѣвъ; нѣтъ звѣря болѣе свирѣпаго, чѣмъ разгнѣванная женщина, кто ей довѣрится, тотъ живетъ небезопасно. О томъ, какъ онѣ враждебны покою мужчинъ, было бы слишкомъ долго рассказывать. Онѣ сообразили напр., что слугъ держать, если они хорошо исполняютъ свою должность, въ противномъ же случаѣ прогоняють, и рѣшили, что онѣ тогда лишь хозяйки, когда, поступая, какъ дурные слуги, не подвергаются ихъ участи ¹⁾. Но объ этомъ знаетъ всякій и, пожалуй, лучше помолчать, чѣмъ, рассказывая, досадить прелестнымъ дамамъ. Наконецъ, кому не извѣстно, спрашиваетъ Боккаччьо, вторя трактату Иннокентія III: кому не извѣстно, что все другое сначала пробують, а потомъ уже покупають, только жену берутъ прямо, какъ бы, по испытаніи, она не оказалась негодной. Если все сказанное правда, а про то вѣдають, кто это испыталъ — то сколько горя таятъ покои, которые на видъ полны утѣхъ! Я не утверждаю, что все это приключилось съ Данте, но чѣмъ-нибудь подобнымъ надо объяснить то обстоятельство, что, разставшись съ женою, онъ никогда не являлся туда, гдѣ она была, и не допускалъ ея приѣзда; а у нихъ были дѣти. Да не подумаютъ, что я воочию отговариваю мужчинъ отъ брака, я поощряю его, но не для всякаго. Пусть люди, преданные философіи ²⁾, предоставятъ это неразумнымъ богачамъ, синьорамъ и крестьянамъ, а имъ философія будетъ лучшей супругой, чѣмъ всякая иная.

Семейныя заботы вовлекли Данте въ общественныя (§ 4), его прельстили пустыя почести, связанныя съ общественными

1) Сл. Corbaccio, выше стр. 23.

2) Filosofanti.

должностями, и онъ весь отдался этому дѣлу, не глядя, куда идетъ. Его роль реторично преувеличена: безъ него не вершается никакое важное дѣло, не принимаютъ никакого рѣшенія, не спросясь его совѣта; на немъ покоятся довѣріе и надежды всѣхъ и каждаго. Но онъ слишкомъ довѣрился Фортунѣ, а она повернулась къ нему враждебно.

Характеристика флорентійскихъ отношеній дана въ самыхъ общихъ очеркахъ, безъ именъ и опредѣленныхъ указаній; тусклый фонъ для героическаго образа. Лишь позже (§ 12), по поводу гвельфовъ и гибеллиновъ, не извѣстно почему такъ названныхъ, раздѣлившихъ Ломбардію и Тоскану, говорится о гвельфѣ Данте, изгнанномъ такими-же гвельфами и обратившемся къ крайнимъ гибеллинискимъ симпатіямъ. Въ первый разъ партіи¹⁾ не названы, ихъ двѣ, враждебныхъ другъ другу и поочередно властвующихъ подъ руководствомъ мудрыхъ и предусмотрительныхъ вождей²⁾. Данте положилъ всѣ свои старанія, всѣ заботы, чтобы соединить разсѣвшееся тѣло республики, доказывая разумнѣйшимъ гражданамъ, что распрями погибаетъ даже великое, малое-же возрастаетъ согласіемъ³⁾. Видя тщету своихъ усилій, онъ хотѣлъ было отказаться отъ этой дѣятельности, но слава и благоволеніе толпы, уговоры и желаніе принести пользу удержали его. Такъ человѣкъ зрѣлый, взлелѣянный на святомъ лонѣ философіи не устоялъ противъ обольщеній Фортуны, хотя у него были передъ глазами паденія древнихъ и новыхъ царей, опустошеніе городовъ и царствъ.—*Cadimenti* отвѣчаетъ латинскому *Casus: De Casibus virorum illustrium* уже написаны.

Видя невозможность держаться особо, составить третью партію⁴⁾, Данте примкнулъ къ той изъ существующихъ, на сторонѣ которой, по его мнѣнію, было больше правды. Но силы

---

1) Bianchi и Neri.

2) Principi.

3) *Concordia parvae res crescunt* и т. д.

4) *Una terza parte tenere*.

пеба выше челоувѣскпхъ рѣшеній; распри росли, доходя до кровопролитій, пока не раскрылись тайныя ковы судьбы: до партіи Данте дошли слухи, что ихъ противники усилились и нѣчто умышляютъ, и ничего не сообразивъ и не принимая мѣръ, онъ и его сторонники вожди обратились въ бѣгство. Ихъ объявили врагами республики, осудили на вѣчное изгнаніе, а имущество конфисковали.

Такъ-то награждена была горячая любовь Данте къ отечеству! говорятъ Боккаччьо, распространяясь въ риторическихъ повтореніяхъ. Довѣряйтесь послѣ того расположенію толпы ¹⁾. Вотъ какую мраморную статую ему поставили, какими буквами внесли его имя въ золотыя скрижали въ число отцевъ отечества! Если не на примѣрахъ Камилла, Рутилія, Коріолановъ, обоихъ Сципіоновъ, то пусть поучатся на этомъ, новѣйшемъ, что народная любовь непостоянна. Возведемъ наши очи къ небу, въ немъ утвердимъ нашу надежду, и мы не будемъ обмануты.

Во Флоренціи осталась жена Данте съ семьей (§ 5); за нее онъ былъ спокоенъ, ибо она была въ родствѣ съ однимъ изъ вождей противной партіи. Она существовала бѣдно, частью имуществомъ, которую успѣла отстоять подъ видомъ своего приданого, а для Данте настали годы скитальчества, среди лишеній, подавленныхъ негодованій и надеждъ на скорый возвратъ. Его внѣшняя жизнь за эту пору описана кратко, съ нѣкоторыми неточностями и свѣдѣніями, показателемъ которыхъ остается до сихъ поръ одинъ Боккаччьо. Мы встрѣчаемъ Данте въ Веронѣ у Альберто делла Скала ²⁾, въ Казентино у графа Сальватико, въ Лундьянѣ у маркиза Морозелло Маласпина и въ горахъ подъ Урбино въ семьѣ делла Фаджьола. Затѣмъ Болонья, Падуа, Верона, и когда надежды на возвращеніе удалились, Парижъ. Здѣсь до него дошли слухи объ избраніи Генриха VII, его итальянскомъ походѣ и осадѣ Брешии, и онъ спѣшитъ въ Италію, пристаеетъ къ партіи, враждебной флорентинцамъ, и посланіями и посоль-

1) I favori de' popoli. Сл. De Casibus, IV, 2.

2) Сл. выше, стр. 289.

ствами они стараются убѣдить императора направить силы на Флоренцію: она во главѣ его непріятелей, поразивъ ее, онъ безъ большаго труда подчинитъ себѣ всю Италію. Но императору ничего не удалось сдѣлать, а его неожиданная кончина разрушила всѣ надежды Данте. Онъ пересталъ думать о возвращеніи и переехалъ въ Романью, гдѣ въ то время властвовалъ въ Равеннѣ Гвидо Новелло да Полента, человекъ просвѣщенный гуманными знаніями ¹⁾, любившій людей достойныхъ, особенно ученыхъ. Данте онъ давно зналъ по молвѣ, и предупреждая его смущеніе, попросилъ у него, какъ милости того, чего, полагалъ онъ, самъ Данте принужденъ будетъ у него попросить. Два желанія сошлись, и Данте провелъ у Гвидо послѣдніе годы, въ почетѣ и безбѣдно.

Слѣдующее общее мѣсто напоминаетъ выраженія Петрарки въ отвѣтъ на присланное ему стихотвореніе Боккаччо въ честь Данте; мы уже выразили мнѣніе ²⁾, что Петрарка могъ повторить въ своемъ отвѣтѣ нѣкоторыя фразы изъ утраченнаго письма къ нему Боккаччо. Вотъ онѣ: «ни вождельнія любви, ни горькія слезы (у Петрарки нѣтъ ни того, ни другого), ни семейныя заботы, ни заманчивая слава общественныхъ должностей, ни бѣдственное изгнаніе, ни невыносимая бѣдность» не отвлекли Данте отъ его главной цѣли: науки ³⁾. Чѣмъ бы онъ сталъ, если бы у него были пособники, т. е. не было противниковъ, либо немного, что бываетъ почти у всѣхъ? Не знаю, но если бы было позволено, я сказалъ бы: онъ сталъ бы на землѣ богомъ.

Въ Равеннѣ (§ 6) у Данте явилось нѣсколько учениковъ въ поэзіи, особенно въ поэзіи на народномъ языкѣ; по моему мнѣнію, онъ первый возвеличилъ се среди итальянцевъ, какъ Гомеръ у грековъ и Виргилій у латинянъ. Она объявилась, какъ полагаютъ, не за долго до него, но ограничиваясь счетомъ слоговъ и созвучіемъ окончаній, пѣла о любви, не посягая на болѣе серьезные сю-

1) *Ne' liberali arti ammaestrato.*

2) Сл. выше стр. 282, 287.

3) *Sacri studi.*

жеты¹⁾; онъ первый показалъ, что она пригодна для выраженія высшихъ интересовъ²⁾, и прославилъ нашъ языкъ³⁾ надъ всѣми другими.

Онъ скончался на 56-мъ году, въ сентябрѣ 1321-го года, къ общему горю Гвидо и всѣхъ равенскихъ гражданъ, и я не сомнѣваюсь, что его воспріяла въ свои объятія его Беатриче⁴⁾, съ которой онъ, забывъ земныя тревоженія, радостно пребываетъ предъ лицомъ Того, кто есть высшее благо,

Его торжественно похоронили въ церкви миноритовъ въ Равеннѣ, въ каменной гробницѣ, въ которой онъ и теперь еще покоится. Вернувшись въ домъ, гдѣ жилъ Данте, Гвидо произнесъ, по обычаю равенцевъ, торжественную рѣчь и далъ слово почтить поэта великолѣпнымъ памятникомъ. Услышавъ объ этомъ, многіе поэты Романи⁵⁾ прислали сочиненныя ими эпитафіи; но Гвидо умеръ, не успѣвъ привести въ исполненіе своего намѣренія. Боккаччо показывали тѣ эпитафіи; изъ нихъ онъ выбралъ одну, болонца Джьованни ди Вирджиліо, знаменитаго поэта и близкаго друга Данте; она и приведена въ концѣ главы, которой кончается внѣшняя біографія Данте.

О неблагодарная родина, обращается Боккаччо къ Флоренціи, какое безуміе побудило тебя быть столь жестокой къ твоему дорогому гражданину, твоему благодѣтелю, твоему единственному поэту? Я твой сынъ, желающій тебѣ исправленія; послушай меня. Какими это побѣдами, какими преимуществами, какими доблестными гражданами можешь ты гордиться? Не твоими-ли богатствами — но онѣ непостоянны, красота дѣло бренное, роскошью (*dilicatezze*) увлекутся лишь тѣ, кто цѣнитъ внѣшность болѣе сущности. Твои купцы преданы любостыжанію, искусство, когда-то облагороженное людьми, уподобившими его природѣ⁶⁾, заражено тѣмъ-же порокомъ и находится въ упадкѣ. Ужъ не

1) *Artificiosa materia.*

2) *Ogni alta materia.*

3) *Il volgar nostro.*

4) *Nobilissima Beatrice.*

5) *In poesi solennissimi.*

6) *Una seconda natura la feciono; сл. Дек. VI, 5.*

гордишься ли ты тѣми малодушными и трусами, которые, памятуя множество предковъ, величаются благородствомъ, а сами позорятъ его грабежами, предательствомъ и обманомъ? Опомнись и постыдись! Если у тебя самой не было на столько разсудительности, почему не подражала ты примѣру городовъ, и теперь еще славныхъ своими гражданами?—И авторъ называетъ семь городовъ, спорившихъ за честь быть родиной Гомера, въ перечнѣ, согласномъ съ греческой эпиграммой, записанной въ знакомомъ намъ экземплярѣ Теренція ¹⁾; въ Мантуѣ изображеніе Виргилія и теперь еще красуется на площадяхъ и въ частныхъ домахъ, ибо, хотя онъ былъ и сыномъ гончара, Мантуя имъ славна; Сульмона гордится Овидіемъ, Веноза Гораціемъ, Аквино Ювеналомъ; одна Флоренція, точно она богата Камиллами, Катонами и Сципіонами, не только упустила своего древняго согражданина Клавдіана ²⁾, но изгнала и Данте; попадись онъ тебѣ въ руки, ты звѣрски бы умертвила его. Но умерь твой Данте Алигьери, умерь въ изгнаніи, и ты можешь безопасно косятъ въ своихъ порокахъ, положивъ конецъ неправеднымъ гоненіямъ. Но если со смертью кончается гнѣвъ и вражда, одумайся и постарайся исправиться; вспомни свою прежнюю человѣчность ³⁾, воздай ему долгъ материнскихъ слезъ, верни гражданство, пожелай обладать имъ по крайней мѣрѣ мертвымъ. Ты была жестока къ нему, онъ всегда питалъ къ тебѣ чувства сына, никогда не желалъ лишить тебя той чести, которая послѣдуетъ тебѣ отъ его творенія; всегда желалъ называться флорентинцемъ, всегда любилъ тебя. Ты хочешь прослыть внучкой Трои, дочерью Рима; вспомни Пріама, выпросившаго тѣло Гектора, римлянъ, перенесшихъ кости перваго Сципіона; онъ не ниже ихъ, никогда еще оружіе не уступало наукѣ.

1) Сл. Macri-Leone, Vita стр. 37, прим. на стр. 94—5; выше стр. 97. Въ латинской транскрипціи эпиграммы первымъ городомъ названъ Chimi (=Κίμη); въ слѣдующемъ затѣмъ греческомъ текстѣ—Самось, и это повторено въ Gen. Deog. XIV, 19 и Com. I, 324.

2) Avendoti lasciato . . . cader delle mani. 3) Umanità.

Семь городовъ воздвигли гробницы Гомеру, мантуанцы чтятъ бѣдную хижину Виргилія въ Піяттолѣ, Сульмона сѣтуеть, что прахъ Овидія покоится на островѣ Понта, Парма ликуеть, что Кассій покоится въ ней. Попроси же и ты тѣло Данте, и хотя вѣтъ на то желанія, все-же попроси, дабы, хотя видимо, снять съ себя часть упрековъ. Ты будешь удовлетворена, потому что его не отдадутъ тебѣ. Онъ и покоится въ обществѣ, какого ты не могла бы ему дать, въ Равеннѣ, болѣе, чѣмъ ты, почтенной своею древностью, усыпальницѣ святыхъ мучениковъ, императоровъ, тогда какъ въ твоихъ покойникахъ, чай, не умерло старое ожесточеніе, и ихъ тѣни сторонятся другъ отъ друга, какъ раздвоилось пламя на кострѣ двухъ еванцевъ (Этеокла и Полиника). Равенна радуется, что Господь сподобилъ ее хранить тѣло человѣка, творенія котораго вызываютъ удивленіе всего свѣта, и еще больше негодуеть, что ты гордишься его происхожденіемъ и что, поминая его, тебя поминаютъ первой.

Въ инвективѣ противъ флорентійцевъ, мы узнаемъ Боккачьевскую страстность, доходящую до крайности риторическаго выраженія. Данте былъ для него поэтомъ, теперь его увлекаетъ трагическій типъ великаго человѣка. Въ значеніи, которое онъ даетъ перенесенію во Флоренцію его праха, есть нѣчто антикварное, и вмѣстѣ съ тѣмъ это проявленіе культа цѣльной личности, останками которой дорожатъ, какъ пенатами. Средневѣковый критерій святости дополнился новыми элементами: Данте покоится въ усыпальницѣ святыхъ, но и скромный домикъ Виргилія окруженъ народнымъ благоговѣніемъ. Святые потѣснились для героевъ мысли, какъ въ дантовскомъ раю для доблестнаго Рифея; въ дантовскомъ культѣ Боккаччо чувствуется подобное настроеніе.

Слѣдующія главы являются въ нѣсколько случайномъ порядкѣ, съ попытками характеристики, экскурсами въ стороны и нѣкоторыми новыми данными для біографіи поэта. Въ главѣ (§ 8) о внѣшности, нравахъ и обычаяхъ Данте многое можетъ быть результатомъ разспросовъ, отзвукомъ преданій, но многое могло

быть субъективно вычитано изъ самого Данте; онъ такой-же, какимъ изображаетъ его традиціонный джьоттовскій портретъ, только съ бородою: продолговатое лицо, съ орлинымъ носомъ, большими глазами, широкими скулами и выдающеюся нижней губою; смуглый, съ черными вьющимися волосами и бородою, вѣчно грустный и задумчивый. На улицахъ Вероны одна женщина шепнула другой, когда онъ проходилъ мимо: Вонъ тотъ, кто ходитъ въ адъ и возвращается оттуда съ вѣстями о грѣшникахъ. — Должно быть правду ты говоришь, отвѣчала другая, смотри, какой онъ черный, какіе курчавые у него волосы; это отъ жара и дыма тамъ внизу. Данте слышалъ и улыбнулся. — Дома и въ обществѣ онъ былъ сдержанъ, приличенъ и вѣжливъ; въ пищѣ и питьѣ умеренъ и не разборчивъ, хваля хорошее, но болѣе питаясь простымъ и порицая тѣхъ, кто живетъ лишь затѣмъ, чтобы ѣсть. Никто ревностию его не отдавался запятіямъ и вообще какому-бы то ни было дѣлу, такъ что жена и семья вначалѣ жаловались на это, потомъ перестали. Говорилъ онъ рѣдко, развѣ отвѣчая на вопросъ, и тогда отвѣчалъ обдуманно, но гдѣ было нужно, становился краснорѣчивѣйшимъ. — Это, кажется, типическая похвала человѣка, берегущаго слово: Боккаччо приложилъ ее къ Петраркѣ¹⁾. — Въ молодости онъ любилъ музыку и пѣніе, водилъ дружбу съ артистами, которые по его просьбѣ много изъ его стихотвореній переложили на музыку. — Какъ онъ былъ подверженъ любви, мы уже знаемъ; много твердо убѣждены, что она и побудила его писать на народномъ языкѣ; вначалѣ онъ подражалъ, затѣмъ постоянныя упражненія, желаніе лучше выразить свои чувства и стремленіе къ славѣ высоко поставили его надъ современниками и его поэзія вызвала и вызоветъ соревнованіе. — Любилъ онъ уединяться отъ людей, чтобы не мѣшали его думать, и въ людяхъ, за столомъ или на пути не отвѣчалъ на вопросы, пока не порѣшить съ овладѣвшей имъ мыслью. Когда онъ углублялся въ чтеніе, ничто не могло его развлечь: однажды въ

---

1) Сл. выше стр. 115.

Сіэнѣ ему подали обѣщанную книжку, которой онѣ никогда не видалъ; дѣло было на улицѣ; онѣ усѣлся на скамѣ противъ аптеки и отъ девятаго часа до вечера прочелъ всю книгу; рядомъ, тутъ-же на улицѣ, молодые сіэнцы устроили ристаніе; онѣ ничего не видѣлъ. — Свою удивительную проникательность ¹⁾ и память онѣ проявилъ въ Парижѣ, на диспутахъ de quolibet, на все отвѣчая въ порядкѣ предложенныхъ вопросовъ; высота его ума и тонкая изобрѣтательность ²⁾ засвидѣтельствованы его твореніями болѣе, чѣмъ въ состояніи то выразить мое слово. Можетъ быть, любви къ славѣ и блеску у него было болѣе, чѣмъ пристало его доблести; но есть-ли такой скромный человекъ, котораго-бы они не привлекали? Его они увлекли къ поэзіи; онѣ зналъ, что философія выше ея, но только она мало доступна и славныхъ философовъ много, а поэзія всѣмъ доступна и поэты рѣдки. Онѣ надѣялся на рѣдкое тогда и торжественное вѣнчаніе лавромъ, но желалъ удостоиться этого отличія лишь надъ купелью св. Іоанна (во Флоренціи), и такъ и умеръ, не достигнувъ желанной чести.

Но между читающими нерѣдко поднимается вопросъ: что такое поэзія и поэты и почему ихъ вѣнчаютъ лавромъ. Это даетъ поводъ Боккаччо къ нѣсколькимъ экскурсамъ; о его воззрѣніяхъ на поэзію (§ 9) и на ея отношеніе къ богословію (§ 10) мы скажемъ особо; обычай вѣнчать лавромъ поэтовъ и полководцевъ возводится (§ 11) къ грекамъ и римлянамъ, къ мѣу о Дафнѣ, обращенной въ лавръ Аполлономъ, покровителемъ поэтовъ; не забыты и символическія свойства лавра: онѣ вѣчно зелень, не поражается молніей, пахучъ. Петрарка въ своей вѣнчальной рѣчи насчиталъ такихъ качествъ еще болѣе — съ тѣмъ-же примѣненіемъ къ славѣ.

«Качества и недостатки Данте» (§ 12) снова возвращаютъ насъ къ прерванной его характеристикѣ. Отмѣчается, изъ письма Данте къ флорентинскому другу, благородная гордость, съ кото-

---

1) Capacità.

2) Sottile invenzione.

рою онъ «воспитанный на лонѣ философіи», предпочелъ изгнаніе возвращенію на родину, обставленному унижительными условіями. Его самосознаніе, граничащее съ самоопініемъ, иллюстрируется его словами, когда, разсуждая о томъ, кого послать въ Римъ, всѣ сошлись на Данте, и онъ, подумавъ, сказалъ: Если я пойду, кто-же останется? Если останусь, кому пойти? — Твердый духомъ въ бѣдствіяхъ, онъ бывалъ, особенно въ вопросахъ партій, нетерпимъ и раздражителенъ¹⁾, болѣе, чѣмъ ему пристало и чѣмъ самъ онъ желалъ казаться. Боккаччо поминаетъ распри гвельфовъ и гибеллиновъ и рѣзкій гибеллинизмъ Данте послѣ изгнанія; его завзятость доходила до того, что когда, бывало, въ Болонѣ какая-нибудь женщина или ребенокъ бранили гибеллиновъ, онъ приходилъ въ такое бѣшенство, что готовъ былъ забросать ихъ камнями, еслибъ они не замолчали; и эта ярость²⁾ не проходила у него до конца жизни. Мнѣ совѣстно, что я пятнаю славу такого человѣка, какъ онъ, но умаленіе непохвальнаго могло бы уменьшить вѣру въ достовѣрность моихъ похвалъ. Да извинитъ меня онъ самъ, можетъ быть, съ негодованіемъ взирающій съ неба на пишущаго эти строки.

Съ такой-то доблестью, съ такими знаніями, уживалось въ поэтѣ сладострастіе³⁾, и не только въ юныхъ, но и въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Извинитъ этого нельзя, но кто-же обвинитъ его? Не я, во всякомъ случаѣ. Чего только не дѣлаютъ съ нами женщины, если желаютъ, да и не желая! За ними прелесть, красота, естественное вожделѣніе и многое другое, постоянное, говорящее за нихъ въ сердцахъ мужчинъ, Примѣровъ много — и Боккаччо приводитъ ихъ, отъ Юпитера до Ирода. Данте пройдетъ, если не извиненный, то обвиненный въ меньшей мѣрѣ, ибо онъ не одинъ.

Перечисленіе его сочиненій (§ 13) оказывается необходи-

1) Impaziente o animoso.

2) Animosità.

3) Lussuria.

мымъ, дабы никто не присвоилъ себѣ того или другого, и ему не приписали чужихъ. Прежде всего онъ на 26-мъ году написалъ *Vita Nuova*, которой онъ стыдился въ зрѣломъ возрастѣ, хотя, взявъ во вниманіе юныя лѣта, она прекрасна и нравится толпѣ¹⁾. Опыты общественной дѣятельности открыли ему глаза на людскія заблужденія, и его Комедія, за которую онъ принялся на 35-мъ году жизни, отвѣтила его цѣли: укорить и наградить людей по ихъ заслугамъ; три кантики отвѣчаютъ дѣленію на порочныхъ, стремящихся освободиться отъ порочности и добродѣтельныхъ. Невзгоды судьбы не могли не мѣшать его грандіозному труду²⁾, который занималъ его до конца жизни. Но въ исторіи Божественной Комедіи были случайности (§ 14): семь первыхъ пѣсней были написаны, но забыты во Флоренціи въ пору бѣгства. Кто-то, роясь въ вещахъ Данте, которыя успѣли припрятать въ церкви³⁾ отъ грабившей толпы, нашелъ въ сундукѣ и тѣ семь пѣсней; онъ пробѣжалъ ихъ и, такъ какъ они ему понравились, тайно унесъ и показалъ Дино ди Мессеръ Ламбертуччо⁴⁾, знаменитому въ то время флорентинскому поэту. Онъ призналъ это за твореніе Данте, и съ общаго согласія они послали тѣ пѣсни къ маркизу Морозелло, у котораго жилъ тогда Данте, съ просьбой побудить поэта къ продолженію труда. Данте считалъ его утраченнымъ, бросилъ и самую затѣю, но когда судьба снова натолкнула его на нее, онъ, уступая просьбамъ маркиза, снова вжился въ нее не безъ усилій и продолжалъ:

Io dico, seguitando, ch'assai prima⁵⁾.

Боккаччо ясно видитъ спай въ этомъ *seguitando*, «продолжая»; сомнѣнія явились позже.

1) A' volgari.

2) Così alta, così grande, così escogitata impresa.

3) In luoghi sacri.

4) Въ комментаріяхъ къ Божественной комедіи: Dino di messer Lambertuccio Frescobaldi.

5) Inf. VIII, 1.

Данте приходилось работать съ перерывами, которые длились мѣсяцы и годы; написавъ вѣсколько пѣсенъ, онъ обыкновенно посылалъ ихъ къ мессеръ Кане дела Скала, котораго особенно уважалъ; лишь послѣ того онъ позволялъ дѣлать съ нихъ списки; но послѣднихъ тринадцати пѣсенъ онъ не успѣлъ послать и по его кончинѣ ихъ не нашлось. Его сыновья, Яковъ и Пьеро, оба поэты, намѣревались дополнить трудъ отца, когда восемь мѣсяцевъ по его смерти, объ утрени, къ Пьеро Джьярдино, бывшему его ученику, пришелъ Якопо Алигьери и рассказалъ, что ему явился въ сновидѣніи отецъ, облеченный въ бѣлыя одежды и окутанный необычайнымъ сіяніемъ. Я живу настоящей жизнью, сказалъ онъ и, на вопросъ сына, кончилъ-ли онъ свою поэму, отвѣтилъ, что кончилъ; затѣмъ, будто-бы, повелъ его въ бывшую свою комнату и, указавъ на одно мѣсто, сказалъ: Вотъ то, чего вы ищете! — По этому указанію Якопо и Пьеро Джьярдино и нашли за настилкой ¹⁾ прибитой къ стѣнѣ, въ нишѣ, которую тамъ никто не подозрѣвалъ, покрытую плѣсенью рукопись: послѣднія пѣсни Рая, которыя отослали мессеру Кане, а затѣмъ присоединили къ цѣлому творенію.

Еще на одинъ вопросъ, возбужденный Божественной Комедіей, отвѣчаетъ Боккаччо (§ 15): почему такой ученый человѣкъ, какъ Данте, избралъ для такого возвышеннаго сюжета не латинскій языкъ, а флорентинскій: Сдѣлалъ онъ это въ видахъ большей пользы, какъ своихъ гражданъ, такъ и другихъ итальянцевъ, ибо латинскіе стихи понятны были-бы однимъ ученымъ, тогда какъ итальянскіе и людямъ необразованнымъ ²⁾, о которыхъ раньше никто не думалъ, что не помѣшало и литераторамъ любоваться красотами нашего языка и искусствомъ владѣть имъ. Затѣмъ онъ имѣлъ въ виду, что гуманныя науки теперь въ забросѣ, особенно у властителей и другихъ именитыхъ людей, которыми посвящали обыкновенно поэтическія произведенія; вслѣд-

---

1) Stuoia.

2) Agl' idioti.

ствіе этого *Виргилій* и другіе поэты не цѣнятся и въ презрѣніи; вотъ почему, начавъ писать свою поэму на латинскомъ языкѣ ¹⁾, онъ бросилъ это и продолжалъ ее по итальянски, не желая подать корки хлѣба тѣмъ, кто сосеть еще грудь.

Въ заключеніи два свѣдѣнія, въ относительной точности которыхъ *Боккаччьо* предоставляетъ разобраться другимъ. Одни утверждаютъ, что Данте посвятилъ свой *Адъ* властителю *Пизы*, *Угуччоне делла Фаджьола*, *Чистилище* — *Мороэлло Маласпина*, *Рай* — *Фридриху III*, королю *Сициліи*; другіе говорятъ, наоборотъ, что вся поэма посвящена была Кане делла Скала. Но все это произвольныя мнѣнія, и не такое это важное дѣло, чтобы требовало серьезнаго разсмотрѣнія.

Это заявленіе важно по отношенію къ одному сомнительному письму, авторомъ котораго названъ братъ *Иларій* и которымъ долгое время пользовались для жизнеописанія Данте. Оно извѣстно до сихъ поръ лишь изъ той записной тетради *Боккаччьо* ²⁾, гдѣ помѣщено и посланіе Данте флорентинскому другу. *Боккаччьо* видимо собиралъ письма Данте, но приступая къ своей биографической работѣ, отнесся не одинаково къ собранному матеріалу: такъ онъ пользуется посланіями къ другу и къ *Генриху VII*, но къ показанію *Иларія* обнаруживаетъ сомнѣніе: именно это письмо утверждаетъ, что три кантики *Божественной комедіи* посвящены тремъ разнымъ лицамъ — а *Боккаччьо* относитъ это мнѣніе къ числу произвольныхъ. Онъ воспользовался лишь нѣсколькими фразами письма тамъ, гдѣ говоритъ объ упадкѣ гуманныхъ знаній и своемъ нежеланіи питать плотной пищей сосущихъ молоко ³⁾. Такіе цвѣтки краснорѣчія онъ выбиралъ и изъ писемъ *Петрарки*.

Другимъ сочиненіямъ Данте онъ отводитъ сравнительно незначительное мѣсто. Говоря о книгѣ *de Monarchia*, онъ сообщаетъ

1) *Ultima regna sanam* и т. д.

2) *Laur.* XXIX, 8; сл. выше стр.

3) *Frustra enim mandibilis cibus ad ora lactantium admovetur.*

между прочимъ, что Данте доказывалъ непосредственное происхожденіе императорской власти отъ Бога, не черезъ посредника, какъ, *кажется*, полагають то клерики; ожесточеніе кардинала дель Поджетто противъ этой книги и памяти Данте вызываетъ порицаніе. Это не объективизмъ, а гуманизмъ при отсутствіи симпатій къ идеѣ De Monarchia ¹⁾.

Слѣдуютъ въ быстромъ перечетѣ: эклоги, Convivio, неоконченный трудъ De vulgari eloquentia, эпистолы, стихотворенія и новая похвала Данте, что преслѣдованія безжалостной фортуны не отвлекли его отъ науки и поэзіи: передъ лицомъ Господа и людей это дѣло болѣе похвальное, чѣмъ обманъ, хищенія и предательства, которымъ пынѣ преданы всѣ, стремящіеся къ единой цѣли—богатству. Но память богатаго погибнетъ или покроется стыдомъ, а слава Данте засіяетъ современемъ еще больше, какъ отъ употребленія оружіе становится болѣе блестящимъ ²⁾.

Я рассказалъ вкратцѣ о родѣ и занятіяхъ, жизни, нравахъ и трудахъ славнаго мужа Данте Алигьеря, именитаго поэта; другіе рассказали бы лучше, но кто дѣлаетъ, что можетъ, отъ того нельзя требовать большаго. Если въ чемъ-либо и погрѣшилъ, я тѣмъ дамъ другимъ поводъ написать правду о нашемъ Данте, чего, сколько мнѣ извѣстно, никто еще не сдѣлалъ.—Боккаччо кончаетъ (§ 17) толкованіемъ вѣщаго сна матери Данте ³⁾ и благодарностью Подавшему попутный вѣтеръ его утлой ладѣ.

Биографія Данте плодъ глубокаго увлеченія личностью поэта, его психологіей; его внѣшняя исторія, политическіе моменты его дѣятельности раскроются полнѣе въ биографіи Леонардо Бруни; Боккаччо интересуютъ факты, освѣщающіе интимную исторію, нравственный обликъ человѣка. Въ этомъ отношеніи характерный анекдотъ иногда краснорѣчивѣе архивнаго документа; онъ отвѣчалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и вкусамъ новеллиста: фигура выхо-

1) Сл. выше стр.

2) De Cas. III, 18: exercitio tenebrosae clarescunt, т. е. гез.

3) Сл. выше стр.

дила оттого рельефнѣе. Какъ для пѣвца Божественной Комедіи идеалы доблести лежали въ прошломъ, такъ раскрылись они и для Боккаччо въ извѣстную пору его дѣятельности: въ Данте онъ искалъ идеала поэта и человѣка.

Намъ остается еще сказать о тѣхъ главахъ (§§ 9, 10) биографіи, въ которыхъ Боккаччо впервые подробнѣе развилъ свои воззрѣнія на поэзію, повторенныя имъ потомъ въ Генеалогіи Боговъ и въ комментаріяхъ на Божественную Комедію.

Вопросъ о значеніи и назначеніи поэзіи поставленъ въ средѣ раннихъ итальянскихъ гуманистовъ; они первые увидѣли въ призваніи поэта серьезное общественное служеніе; увлеченіе красотами латинской поэзіи объективировало для нихъ процессы творчества, до тѣхъ поръ протекавшіе безсознательно, и они естественно старались выяснитъ себѣ, къ чему влекло ихъ инстинктивно. Средніе вѣка полны поэзіи, но этихъ вопросовъ они себѣ не ставили; поэзія для нихъ либо забава, нерѣдко грѣшная, либо виртуозное владѣніе римой и формой; въ французской народной майской пѣсни она опредѣляется содержаніемъ: это радость и юность¹⁾; для школьно-латинскихъ поэтовъ это стилистическій трудъ, Аполлонъ, рождающійся изъ ночныхъ бдѣній; либо это—назиданіе; цѣли назиданія оправдывали то, что могло казаться забавой.

Поэзія — назиданіе: этотъ взглядъ лежитъ въ основѣ ея гуманистическаго опредѣленія у Петрарки и Боккаччо. Въ немъ много восторженности и идеализаціи, вызванной цѣлями самозащиты. Точкой отправленія и образцами была поэзія классиковъ; Боккаччо присоединилъ къ нимъ и Данте. Приходилось отбиваться отъ нападеній: надъ людьми, позволявшими себѣ считать поэзію дѣломъ, глумились не только практики, дѣльцы, но и представители профессиональной науки, тогда какъ ревнители нравственности и церкви усматривали скандалъ въ обновленіи языческихъ басенъ и соблазнительныхъ мифовъ, осуждая то и другое,

1) *Joi, jove.*

какъ вредное. Защита основывалась главнымъ образомъ на принципѣ аллегоризма. Аллегоризмъ, какъ показатель общественнаго сознанія — а такимъ онъ былъ въ средніе вѣка — это бессознательное исканіе компромисса между разными моментами развитія, стараніе согласовать чужое съ своимъ, либо узаконить дорогое прошлое въ обязательномъ настоящемъ, объяснивъ его съ точки зрѣнія этого настоящаго. Когда грубый реализмъ старыхъ классическихъ мифовъ пересталъ удовлетворять требованіямъ религіозной мысли, боги остались, но въ нихъ отыскивали демоновъ или обоготворенныхъ людей, мифы очутились иносказательнымъ выраженіемъ историческихъ фактовъ, либо физическихъ и этическихъ истинъ; такъ толковались гомерическія поэмы уже въ школахъ стояковъ; вся Енеида представилась иносказаніемъ: напомнимъ лишь Фульгенція Планціада. Древнѣйшія апологіи христіанства, отъ Юстина до Арнобія, покоятся на идеѣ, что предыдущія формы религіозной мысли были лишь неполнымъ его откровеніемъ; въ этой связи Орфей могъ представиться символомъ Добраго Пастыря. Когда церковь упрочилась и окрѣпла, сознаніе этой исторической преемственности ослабѣло, но осталось аллегорическое пониманіе мифа: подъ ложнымъ, съ виду легкомысленнымъ покровомъ *Виргилія* и *Овидія* скрываются многіе истины, писалъ *Теодульфъ*¹⁾; ревнители находили въ такомъ пониманіи готовое орудіе для борьбы съ суетвѣріемъ, хотя и позже, напримѣръ, у *Винценція* изъ *Бовэ* и *Альберта Великаго* встрѣчаются отголоски стараго взгляда на естественное богопознаніе языческихъ мыслителей. И въ то же время умаленіе страха передъ соблазнами язычества обнажило въ мифахъ ихъ абстрактно-поэтическія красоты; такъ поэзія природы возникаетъ, когда изъ нея удаляются боги. Имена *Юпитера*, *Венеры* не внушали болѣе опасеній, ихъ жало притупилось, ихъ мифами орудуютъ, какъ поэтической прикрасой, и аллегоризмъ

1) *Theodulfi De libris quos legere solebam et qualiter fabulae poetarum a philosophis mystice pertractantur* (*Dümmler, Poet. lat. medii aevi t. I, fasc. I, стр. 543—4, в. 19 слѣд.*)

призванъ на защиту поэзіи мѣта, какъ прежде объяснялъ его содержаніе.

Такова ея защита у Данте и Муссато, Петрарки и Заноби; иносказаніе снимало съ поэзіи вообще долю нареканій. Уже въ своей вѣнчанной рѣчи Петрарка утверждалъ, что между поэзіей и исторіей и философіей, какъ моральной, такъ и натуральной, разнища не въ содержаніи, а въ аллегорическомъ покровѣ¹⁾; въ письмѣ къ своему брату Герарду²⁾ онъ доказывалъ, что поэзія не стоитъ въ противорѣчій и съ теологіей, что «теологія — это поэзія, сюжетъ которой — Богъ»³⁾. Эта красивая фраза болѣе общааетъ, чѣмъ даетъ. Все сводится, повидимому, къ сходству фигурнаго языка, изъ котораго заключаютъ о сходствѣ содержанія. Развѣ названіе Христа то львомъ, то агнцемъ, то червемъ — не поэтическая фигура? спрашиваетъ Петрарка; притчи Спасителя не въ стилѣ аллегорій, приличествующей поэзіи? Разумѣется, сюжетъ другой: въ теологіи это истинный Богъ, въ поэзіи ложные боги и смертные люди. Поэты были первыми бо-

---

1) Легко можно доказать, *poetas sub velamine figmentorum nunc fisica nunc moralia nunc hystorias comprehendisse, ut verum fiat, quod saepe dicere soleo, inter poetae et ystorici et philosophi seu moralis seu naturalis officium hoc interesse, quod inter nubilosum et serenum celum interest, cum utrobique eadem sit claritas in subjecto, sed pro captu spectantium diversa. Eo tamen dulcior fit poesis, quo laboriosius quaesita veritas magis atque magis dulcessit.* Сл. Hortis, *Scritti inediti di Fr. Petrarca*, стр. 320. Сл. *Contra medicum invect. I*, 1092; *Epist. poet. II*, 11; *Africa ed. Corradini IX*, 97; *Sen. IV*, 5, *XV (XIV)*, 11. Тоже въ рѣчи Заноби да Страда, съ указаніемъ, какъ на источникъ, на текстъ привилегіи, выданной Петраркѣ на званіе вѣнчаннаго поэта: *Est poesis scientia suis fictionibus cuncta complectens, quae etiam astrologicas demonstrationes et physicas conclusiones circa pedum mensura describit. . . Ignorant autem poetae officium sub hoc esse, ut veritatem rerum sub amoenis coloribus absconditam et decora velut figmentorum nube contextam altisonis carminibus et dulci quadam suavitate respergat, quo scilicet quaesitu difficilior, magis atque magis, inventa dulcescat. Nonne etiam Sacrae scripturae sub integumento multa dicunt, quae ob hoc teguntur, secundum Augustinum, ne vilescant, ob hoc aperiuntur, ut pascant* (Ciampi, *Monumenti di un Manoscritto autografo e lettere inedite di messer G. Boccaccio. Milano, 1890*, стр. 121, 122). О рѣчи Заноби сл. выше т. I, стр. 42, 377.

2) *Fam. X*, 4.

3) *Theologiam poeticam esse de Deo.*

гословами, говорилъ Аристотель ¹⁾); когда первые люди, влекомые естественнымъ желаніемъ уразумѣть истину, пришли къ познанію нѣкой высшей силы, всѣмъ правящей, рѣшили чествовать ее болѣе и торжественнѣе, чѣмъ обычно; отсюда учрежденіе храмовъ и священнослужителей, статуи и алтари; а дабы честь воздавалась не молчаливо ²⁾), положили чествовать божество широковѣщательными словами, далекими отъ низменной, народной рѣчи, подчиненными извѣстнымъ размѣрамъ ³⁾ въ цѣляхъ украшенія. Это надлежало сдѣлать не въ народной, а въ нѣкой искусственной, изобрѣтенной и необычной формѣ, которую по-гречески называли поэтикой; тѣ-же, которые употребляли ее, назывались поэтами ⁴⁾).

Петрарка приводилъ, въ подтвержденіе своего взгляда, Варрона, Светонія, Исидора и успокоивалъ брата-монаха указаніемъ на священное писаніе, отцевъ церкви и христіанскихъ поэтовъ, отъ Моисея до Седулія. Всѣ они прибѣгали къ средствамъ поэтическаго слова; псалтырь—это христіанская поэма; изящной формой гнущаться нельзя, ибо только дуракъ или ханжа способенъ хвалить пищу въ глиняномъ сосудѣ и отвернуться отъ нея, когда она подана будетъ на золотомъ блюдѣ.

Мы сказали, что Петрарка рѣшаетъ вопросъ скорѣе риторически, чѣмъ по существу, но его взгляды предполагаютъ безсознательное, быть можетъ, обобщеніе, характерное для современной ему поэтики. Богословіе—неадекватное выраженіе философской истины, учили аверройсты; можно было, не становясь на ихъ точку зрѣнія, утверждать неадекватность откровенной истины съ ея символическимъ, человѣческимъ выраженіемъ. Параллель съ поэзіей подсказывалась сама собой; и здѣсь то-же

1) Et apud Aristotelem primos theologizantes poetas legimus.

2) Ne mutus honos fieret.

3) Numeris insuper adhibitibus.

4) Id sane non vulgari forma, sed artificiosa quadam et exquisita et nova fieri oportuit, quae quoniam graeco sermone poetices dicta est, eos quoque qui hac utebantur poetas dixerunt.

несоотвѣтствіе между содержаніемъ и аллегорической формой, и въ тѣхъ-же цѣляхъ: охранить сокровище знанія, тайны сущаго отъ небрежной руки, отъ безцѣльнаго любопытства толпы, сдѣлать ее привлекательнѣе своей недоступностью, и виѣстѣ, суггестивностью. Это шло къ аристократическому самосознанію гуманистической поэзіи: аллегоризмъ для нея такой-же оберегъ, какъ символизмъ для современныхъ декадентовъ.

Вотъ эти-то воззрѣнія Петрарки я повторяетъ Боккаччо въ своемъ жизнеописаніи Данте, воспроизводя тѣ-же аргументы, иногда тѣ-же фразы, на примѣръ, о поэзіи ¹⁾. Боккаччо не разъ пользуется цвѣтами краснорѣчія Петрарки, не всегда называя его; такъ и здѣсь; разумѣется, это не намѣренное умолчаніе; въ Генеалогіяхъ боговъ ²⁾, повторяя о поэзіи сказанное въ біографіи, онъ ссылается на бесѣды своего славнаго учителя Петрарки; въ комментаріяхъ на Божественную Комедію ³⁾, гдѣ онъ резюмируетъ соотвѣтствующія положенія біографіи и Генеалогій, онъ прямо указываетъ на письмо Петрарки къ брату Герарду ⁴⁾. Но и въ біографіи (§§ 9, 10) онъ относится къ нему съ извѣстной самостоятельностью, развиваетъ новыми примѣрами, анализируетъ и старается вдуматься, гдѣ Петрарка только намѣчаетъ. Такъ, говоря о происхожденіи поэтического слова въ связи съ началами религіи, онъ подробнѣе расчленяетъ ся языческіе элементы: первые люди будто-бы чествовали единое божество, послѣдующіе признали ихъ нѣсколько, хотя подъ началомъ одного; обоготворялись силы природы; первичная поэзія развивалась въ связи съ ихъ культомъ. Затѣмъ явились цари, правители, захватившіе власть надъ народами, кто тѣмъ, кто другимъ способомъ; съ ними блескъ и торжественность и требованіе почета и обого-

---

1) La quale forma appellarono i greci poetes; laonde nacque, che quello che in cotale forma fatto fosse, si appellasse poesis, e quelli che ciò facessero e cotale modo di poetare usassero, si chiamassero poeti.

2) XIV, гл. 5, 7 слѣд.; сл. гл. 8.

3) Com. I, стр. 124.

4) Fam. X, 4 отъ 2 декабря 1348 г. См. выше стр. 277.

твореніе ихъ предковъ; смѣлыхъ людей стали угодоблять богамъ, воспѣвая ихъ подвиги и битвы. И этой потребности отвѣтили поэты: поэтический стиль, сложившійся въ культѣ древнихъ боговъ, приложился и къ новымъ. Такъ выясняются взгляды Боккаччо на двойственный характеръ міа и на смѣну религіозной и героической поэзіи. Ея отношенія къ теологіи поставлены такъ же внѣшне, какъ у Петрарки, та же ссылка на мнѣніе Аристотеля, что поэты были первыми богословами; связью является аллегорія, въ этомъ отношеніи древніе поэты слѣдовали, по мѣрѣ человѣческаго разумѣнія, по стопамъ Св. Духа, и какъ видѣніе Моисеемъ неопалимой купины означаетъ дѣвство Богородицы, такъ міа о Сатурнѣ, пожирающемъ своихъ дѣтей, иносказательно выражаетъ всепоглощающее время. При сходствѣ средствъ есть и разница: предметомъ богословія является божественная истина, поэзіи — языческіе боги и люди; она говоритъ о многомъ ложномъ, противномъ христіанскому ученію, но также и о многихъ истинахъ, раскрывая въ изящныхъ образахъ причины вещей, слѣдствія добродѣтелей и пороковъ, къ чему намъ стремиться и чего избѣгать, дабы, изошрясь въ добродѣтеляхъ, достигнуть цѣли, въ которой люди, не знавшіе истиннаго Бога, полагали высшее благо.

И такъ, лучшая защита поэзіи будетъ въ раскрытіи наставительнаго, перѣдко глубокаго, либо просто историческаго содержанія древнихъ міа, а вмѣстѣ и ихъ относительной безобидности въ употребленіи поэтическаго стиля. Таково назначеніе Генеалогій боговъ.